

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ...

СТОЯЛ май 1945 года. Наши части взяли Берлин. Кончалась война. Наши танкисты и моторизованная пехота неудержимо рвались вперед, на Прагу и Будапешт. В Восточной Пруссии еще ожесточенно сопротивлялись остатки разбитых гитлеровских частей.

Мы ехали в Таллин. Нам предстояло выступить перед бойцами Прибалтийского фронта и моряками Балтийского флота. В Ленинграде нам указали направление и назвали номер части, где должен был состояться первый концерт. Мы бодро пустились в путь.

Тяжелые танки и самоходные орудия разворотили дороги и сделали их почти непроходимыми. На перекрестках дорог стояли военные регулировщики и флажками показывали направление в объезд взорванных мостов и минных ловушек.

Трофейный штабной автобус тряса, как в лихорадке. Тряска выматывала душу. Не только писать, но куска хлеба съесть было невозможно, чтобы не прикусить язык. Но мы не унывали. На душе было спокойно и радостно. Радовался и наш водитель, поминая временами недобрым словом фашистов, ухабы, трофейный автобус, который он называл гитлером. Наш «гитлер» был здорово обшарпан и помат, скрипел, трещал, дымил и действительно был похож на разбитый, разгромленный, потрепанный гитлеровских вояк, которые шли нам навстречу.

Время от времени, провалившись в какую-то яму, автобус останавливался, и наш водитель выскакивал из кабины и не то радостно, не то отчаянно хлопал ладонью по кузову и многозначительно восклицал:

— Гитлеру капут!

— Гитлеру капут! — говорил водитель и начинал осматривать наш раздолбанный тарантас, перед которым «антилопа-гну» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова выглядела бы, вероятно, вполне элегантно.

Мы выходили на дорогу, чтобы размять затекшие от неподвижного сидения ноги, грелись на солнышке и следили за нашими «ястребками», стройными звеньями уходившими на запад.

Но тут раздавался зычный голос водителя:

— По коням! — и мы вприпрыжку бежали к автобусу, спотыкаясь на выбоинах, и вновь занимали места в темном и душном чреве нашего «гитлера» и опять начиналась бесконечная тряска, объезды, очередные проверки документов на контрольно-пропускных пунктах до тех пор, пока не раздавался глухой треск и голос нашего водителя:

— Гитлеру капут!

Нас было двенадцать человек — вокалистов, аккомпаниаторов, чтецов, поэтов и среди них — Алексей Фатьянов — мой старый, верный друг, мой попутчик по многим дорогам войны, автор многих текстов, на которые я писал музыку.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

Писать было невозможно. Стоило только вытащить карандаш и бумагу, как при очередном толчке карандаш вылетал из рук и, описав дугу, рикошетом от потолка исчезал в недрах нашего «гитлера». А работать было необходимо. Мы решили сочинить новую песню, посвятив ее балтийцам. Мы хотели, чтобы премьера этой песни состоялась у солдат и матросов, прошедших долгие и славные пути борьбы и побед.

Фатьянов импровизировал вслух стихи, а я мурлыкал под нос, разрабатывая мелодию песни. Делали мы это непрерывно, на протяжении многих часов, чтобы не забыть ни мелодии, ни текста. Только надсадные восклицания при очередном провале в яму или ухаб ненадолго прерывали наше занятие, и опять все начиналось сначала. Фатьянов придумывал новую строку, а я ловил ускользающую мелодию, вновь и вновь возвращаясь к ней в разных вариантах.

Постепенно в работу включались и другие. Мой старый товарищ и замечательный вокалист, обладатель глубокого бархатного баса начал мне подпевать, аккордеонист неуверенно и робко стал подбирать музыку, и так началась репетиция, прерывавшаяся вскоре очередным треском, похожим на взрыв, и звонким криком водителя:

— Гитлеру капут!

Однако водитель быстро привел «гитлера» в чувство, и за сим последовало ставшее уже традиционным:

— По коням!

На сей раз дело осложнилось тем, что при очередном толчке что-то хрястнуло в аккордеоне, и мы потеряли аккомпанемент. Начали учить песню с голоса. Это длилось бесконечно, и скоро так осатанело, что Фатьянов объявил, что каждый, кто еще раз запоем песню, будет беспощадно штрафовать. Он снял пилотку и угрожающе посмотрел на каждого из нас. Первым проштрафился наш бас. Он боялся забыть мелодию и произвольно запел вполголоса. Фатьянов потребовал штраф... Бас отдал носовой платок.

Мы продвигались вперед и, как скоро выяснилось, не поспевали за своей частью. Бойцы на танках и бронетранспортерах уходили вперед, в обход курляндской группировки все еще сопротивлявшегося врага, и мы никак не могли нагнать на своем «гитлере» нашу часть.

По фронтовой дороге мимо нас со свистом проносились военные мотоциклы, надсадно сигналившие легковушки, танкетки, санитарные машины. Наш «гитлер» неизменно уступал им дорогу. К вечеру мы подъехали к шагбауму. Регулировщик поднял флажок, и мы затормозили.

— Нам нужно эскортное хозяйство, — сказал наш водитель, назвав номер части.

— Оно самое! — сказал регулировщик и открыл шагбаум.

Через час на полянке, при свете включенных фар неизвестно откуда появившихся машин, началась концерт.

Фатьянов читал стихи. Бас пел много, вдохновенно и трогательно, не щадя ни голосовых связок, ни аккомпаниатора, не опасаясь ни фатьяновских штрафов, ни налета вражеских самолетов. Бойцы сидели, стояли, лежали вокруг вытоптанной крепкими солдатскими ногами площадки, аккуратно посыпанной желтым морским песком.

Мы показали программу, которой хватило бы по времени на два концерта, мы работали без усталости, и бойцы нас не отпускали. Грохот аплодисментов походил на канонаду. У ребят были крепкие натруженные ладони, и они их не жалели. Мы не жалели голосов:

Давно мы дома не были,
Цветет родная ель,
Как будто в сказке-небыли
За тридцать земель...

Уже в третий раз спели мы сочиненную в дороге песню для тех, кто действительно давно не был дома и пришел сюда за тридцать земель, чтобы свести свои счесть с врагом за сожженные города и села, за поработанных братьев и сестер. Долго не расходились бойцы, и мы уже собирались было на ночлег, как вдруг выяснилось, что мы выступали не в своей части, что наша часть впереди и что регулировщик по приказу командира слукавил, чтобы заманить проезжавших артистов. Мы не обиделись на командира. Мы увидели своими глазами, как бойцам нужна была песня. Мы им привезли кусочек дома, где они давно не были, веточку той самой елочки, что за тридцать земель, перенесли мечту солдатскую туда,

Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят...

Мы потом все же нагнали свою часть. Мы выступали по три-четыре раза в день. Пехотинцев сменяли моряки, летчиков — танкисты, артиллеристов — саперы, а мы выступали, пели, читали стихи и военные фельетоны, мы радовались и приносили радость бойцам, мы праздновали победу и рождение новой песни.

И потом, много лет спустя, когда я побывал во многих воинских частях, на заводах, в колхозах, на концертных площадках наших дворцов культуры и зарубежных театров, я неоднократно вспоминал незабываемую картину этого ночного концерта в какой-то воинской части, номер которой я от волнения так и не узнал.